

Сбор доказательств посредством видеозаписи и КОНТРОЛЬ органов власти общественностью.

Глаза - более точные свидетели, чем уши.
Гераклит Эфесский

То есть видеозапись **более точное доказательство**, чем аудиозапись.

1.4 Прежде чем говорить об осуществлении права на сбор информации посредством видеозаписи, следует сказать об **обязательности прозрачности** деятельности органов власти, что предусмотрено законодательством о противодействии коррупции. «... публичный характер разбирательства перед судебными органами, на который ссылается пункт 1 статьи 6 Конвенции, **защищает заявителей от тайного, не подконтрольного обществу** отправления правосудия; это также **один из способов укрепления доверия к деятельности судов как высшей, так и низшей инстанции.** Делая процесс отправления правосудия **прозрачным, гласность способствует достижению цели пункта 1 статьи 6 Конвенции**, а именно, обеспечению справедливого судебного разбирательства, гарантия которого является одним из основных принципов **любого демократического общества по смыслу Конвенции (...)** (§ 39 **Постановления от 12.04.06 г. по делу «Martinie v. France»**). Право на публичное разбирательство означает публичное разбирательство в соответствующем суде (...). ...» (§ 40 **там же**). «... проведение судебных заседаний в открытом режиме является **основополагающим** принципом, закрепленным в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Такой публичный характер судебного разбирательства защищает стороны от отправления правосудия в тайне без **контроля со стороны общества**, он также является одним из средств поддержания доверия к судам. **Отправление правосудия, включая судебные процессы, обретает легитимность вследствие проведения публичного судебного процесса.** Делая процесс отправления правосудия прозрачным, **гласность способствует достижению цели пункта 1 статьи 6 Конвенции**, а именно справедливости судебного разбирательства, гарантия которого является одним из **основополагающих** принципов **любого демократического общества по смыслу Конвенции (...).** ...» (§ 22 **Постановления от 25.10.16 г. по делу «Chaushev and Others v. Russia»**). «... **основной задачей судов является внушать доверие и уверенность (...)**» (§ 196 **Постановления от 06.05.03 г. по делу «Kleyn v. Netherlands»**). «... **даже в отсутствие ходатайств заявителя о возобновлении открытых слушаний, именно председательствующий судья суда должен постоянно проводить оценку необходимости запрета публике находиться в зале суда и обеспечивать прозрачность разбирательства в максимально возможной степени.** ... В этой связи ... **суд не смог смягчить негативного воздействия**, которое решение о проведении закрытого разбирательства **оказало на право заявителя на публичное разбирательство**» (§ 14 **Постановления от 25.09.18 г. по делу «Shenoyev v. Russia»**). «... **если суд первой инстанции действительно принял во внимание определенную информацию**, эта информация **должна** была быть представлена сторонам, в частности, заявителю, **чтобы позволить открыто обсудить этот вопрос.** Тем не менее, по данному делу суд первой инстанции не приложил **никаких усилий** в этом отношении» (§ 31 **Постановления от 20.09.16 г. по делу «Sergey Zaytsev v. Russia»**). «... **Обеспечить право** ответчика на представление доказательств на публичном разбирательстве **является обязанностью национальных судебных органов (...)**» (§ 35 **Постановления от 28.10.10 г. по делу «Krestovskiy v. Russia»**). «... ни суд первой инстанции, ни суд кассационной инстанции **не указали каких-либо оснований** для закрытия судебного процесса для публики, хотя статья 18 УПК РФ **обязывает** судью суда первой инстанции делать это. Таким образом, **власти лишены возможности излагать эти основания в Европейском Суде (...)**» (§ 24 **Chaushev**). «... учитывая **отсутствие каких-либо оснований**, представленных национальными судами для закрытия слушаний, **Суд не может проверить**, требовали ли в данном случае какие-либо особые обстоятельства ограничения прав заявителя в соответствии со статьей 6 Конвенции» (§ 15 **Постановления от 08.10.19 г. по делу «Talatov v. Russia»**). «... Следует признать, что национальные судебные органы **обязаны** обеспечивать охрану и безопасность лиц, присутствующих в зале суда. Однако, ... меры безопасности **должны** быть узкоспециализированными и **соответствовать** принципу

необходимости. Судебным органам **следует тщательно рассмотреть все** возможные альтернативы для обеспечения охраны и безопасности в зале суда и отдать предпочтение менее строгой мере по сравнению с более строгой, когда она может достичь той же цели. ... в данном случае национальные суды не предприняли **никаких** таких усилий. Суд первой инстанции не пояснил, почему уже принятые общие меры безопасности не были достаточными для обеспечения охраны и безопасности в зале суда. В отсутствие какой-либо конкретной аргументации Суд также не может согласиться с доводом национального суда о том, что проведение публичных слушаний представляло угрозу для любой стороны разбирательства и членов их семей» (§ 28 **Постановления от 30.10.18 г. по делу «Bazanova and Mukhachev v. Russia»**). «... отсутствие гласности в суде первой инстанции может быть устранимо апелляционной инстанцией, если апелляционная инстанция проведет полный пересмотр дела, с тем чтобы **весь** набор доказательств был представлен в присутствии обвиняемого в контексте публичного и состязательного слушания (...). Однако Верховный Суд РФ не провел такого пересмотра и, следовательно, не устранил недостаток гласности уголовного процесса в суде первой инстанции» (§ 15 **Постановления от 27.08.19 г. по делу «Izmestyev v. Russia»**). «... Принимая во внимание вышеизложенное, Суд **не находит оправдания** отсутствию публичных слушаний в первой инстанции... Также **не установлено**, что такое отсутствие публичных слушаний было исправлено апелляционными судами, рассматривающими дело публично. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (§ 31 **Bazanova**).

«Что касается утверждения автора в отношении того, что, хотя слушания были официально объявлены открытыми, ни одному из его друзей или родственников или членов НПО не было разрешено присутствовать в зале суда, Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 32, в котором он подчеркивает, что **все судебные разбирательства по уголовным делам или же в каком-либо гражданском процессе в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики и что публичность слушаний обеспечивает транспарентность судопроизводства и тем самым служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом** (...). В данном деле автор утверждает, что его друзьям и родственникам, а также представителям общественности, включая, в частности, членов НПО и представителей посольств, не было разрешено присутствовать на судебном слушании. **В условиях отсутствия другой относящейся к делу информации от государства-участника ... утверждениям автора следует уделить должное внимание.** Исходя из этого, Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о **нарушении прав** автора по статье 14, пункт 1, Пакта» (п. 7.4 **Соображений КПЧ от 31.03.16 г. по делу «Annakurban Amanklychev v. Turkmenistan»**, тоже в п. 7.9 **Соображений КПЧ от 06.04.18 г. по делу «Annadurdy Khadzhiyev v. Turkmenistan»**).

«В первую очередь Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что слушание его дела проходило в закрытом судебном заседании. Комитет также отмечает утверждение государства-участника, что решение о проведении закрытого судебного разбирательства является обоснованным, поскольку дело касалось «интимных сторон» жизни участвующих в деле лиц, однако **никакой дополнительной информации представлено не было.** ... все судебные разбирательства по уголовным делам в принципе **должны** проводиться устно и быть открытыми для публики, за исключением случаев, когда суд постановляет не допускать всю публику или часть ее по соображениям морали, общественного порядка (ordre public) или государственной безопасности, или если этого требуют интересы защиты частной жизни сторон. Даже в тех случаях, когда публика лишена доступа на судебное разбирательство, **судебное постановление, включая основные выводы, доказательства и правовую аргументацию, должно быть предано гласности** (...). ... государство-участник не объяснило, почему нужно было закрыть весь судебный процесс, включая слушания фактов и доказательств, связанных с обвинениями в убийстве, грабеже и незаконном владении оружием, вместо того, чтобы закрыть лишь часть заседания в целях защиты прав несовершеннолетних и предотвращения разглашения сведений об интимных и личных сторонах жизни участвующих в деле лиц. Поэтому ... государство-участник не обосновало лишение публики доступа на все судебное разбирательство по делу автора ни по одной из причин, изложенных в пункте 1 статьи 14. С учетом отсутствия в деле другой имеющей отношение к делу информации Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора по пункту 1 статьи 14 Пакта» (п. 9.2 **Соображений КПЧ от 31.03.16 г. по делу «У.М. v. Russia»**).

«... судебное разбирательство по делу автора не было открытым, что автору было отказано в праве ходатайствовать о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, хотя такое право предусмотрено национальным законодательством, и что вынесенный автору окончательный обвинительный приговор не был предан гласности. ... государство-участник не представило никаких объяснений относительно секретного характера судебного разбирательства, за исключением утверждения о том, что адвокату автора требовалась лицензия на работу с секретными документами. ... все судебные разбирательства по уголовным делам в принципе **должны** проводиться устно и быть открытыми для публики, за исключением случаев, когда суд постановляет не допускать всю публику или часть ее по соображениям морали, общественного порядка (ordre public) или государственной безопасности. Даже в тех случаях, когда публика лишена доступа на судебное разбирательство, **судебное постановление, включая основные выводы, доказательства и правовую аргументацию, должно быть предано гласности.** Комитет сожалеет по поводу отсутствия ответа со стороны властей государства-участника на конкретный довод, приведенный автором как на национальном уровне, так и в его сообщении Комитету. Поэтому ... государство-участник не обосновало лишение публики доступа на судебное разбирательство по делу автора по одной из причин, изложенных в пункте 1 статьи 14, в частности по соображениям национальной безопасности. Ввиду отсутствия другой соответствующей информации Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора в соответствии с пунктом 1 статьи 14 Пакта» (п. 7.4 **Соображений КПЧ от 06.11.14 г. по делу «Dzhakishev Mukhtar v. Kazakhstan»**).

1.4.1 Необходимо понять главное: с какой бы целью ни осуществлялась видеозапись, она в **любом случае** соответствует **публичному интересу в надлежащем отправлении правосудия, так как она является решающим доказательством абсолютно по любому делу** (Решении от 05.10.10 г. по вопросу приемлемости жалобы «Karin Kopke v. Germany», § 215 Постановления от 23.03.16 г. по делу «Blokhin v. Russia»). При этом, вопросы отправления правосудия, **отсутствие процессуальной справедливости** и **равенства** при отправлении правосудия, преступности, функционирования органов власти, когда **оскорбляется, возмущается** или **оспаривается установленный порядок**, являются предметами общественного значения и поэтому находятся под **защитой** ст. 10 Конвенции (Решение от 10.06.04 г. по вопросу о приемлемости жалобы «Galina Ivanovna Chernysheva v. Russia», § 53 Постановления от 14.10.10 г. по делу «Andrushko v. Russia», § 56 Постановления от 15.03.11 г. по делу «Otegi Mondragon v. Spain», § 165 Постановления от 23.06.16 г. по делу «Baka v. Hungary»), то есть нормы, позволяющей **беспрепятственно** информировать население **о состоянии дел** в органах государственной власти.

1.4.1.1 В рассматриваемом контексте напоминаю, что ч. 3 ст. 24.3 КоАП РФ, ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 5 ст. 11 КАС РФ, ч. 7 ст. 10 ГПК РФ предусматривают **наличие у судьи права** на ограничение или лишение права участника судебного процесса на ведение видеозаписи, однако **право судьи ограничено** теми нормами действующего законодательства, которые сами по себе **вводят ограничение самого права** правоприменителя. А так как речь идет о **публичных правоотношениях**, поэтому эти правоотношения **расширяют** правоспособность **гражданина** на ведение видеозаписи и **сужают** правоспособность **должностного лица** на ограничение осуществления права гражданина на сбор информации **способом по своему выбору**. То есть при публичных правоотношениях, **регулируемых законодательством о противодействии коррупции**, право на осуществление видеозаписи для гражданина носит **диспозитивный** характер, оно может быть ограничено **в исключительных случаях**, предусмотренных п. 1 ст. 14, п. 3 «b» ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 6, п. 2 ст. 10 Конвенции. То есть гражданину **не требуется разрешение на пользование законом** и он может пользоваться законом не тогда, когда гражданину кто-то разрешит, а тогда, когда гражданин посчитает это нужным для себя, что разъяснено и ЕСПЧ: «заявителю не может ставиться в вину то, что, защищая свои интересы, он **в полном объеме извлекал выгоду из средств**, предусмотренных национальным законодательством» (Постановления ЕСПЧ от 04.03.10 г. по делу «Barantseva v. Russia», § 57, от 11.02.10 г. по делу «Kayankin v. Russia», § 122).

Здесь следует иметь ввиду, что «... в случае коллизии между различными законами равной юридической силы **приоритетными** признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования **соответствующих отношений**» (абзац 3 п. 2 мот. части **Определения № 439-О от 08.11.05 г.**). Часть 3 ст. 24.3 КоАП РФ, ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 5 ст. 11 КАС РФ, ч. 7 ст. 10 ГПК РФ – это **общие**

нормы права (lex generalis) в то время, как законодательство о противодействии коррупции с **требованием** прозрачности является **специальным** (lex specialis) законодательством и поэтому является приоритетным при регулировании **публичных правоотношений**.

Таким образом, «Уголовно-процессуальный кодекс РФ, который, согласно части первой его статьи 1, устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, будучи **обычным** федеральным законом, **не имеет преимуществ** перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией РФ **иерархии** нормативных актов. В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило "lex posterior derogat priori" ("последующий закон отменяет предыдущие"), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует **специальное** предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем **независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений**» (абзац 2 п. 2.2 мот. части **Постановления № 13-П от 29.06.04 г.**).

И, пожалуй, самым важным при применении ч. 3 ст. 24.3 КоАП РФ, ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 5 ст. 11 КАС РФ, ч. 7 ст. 10 ГПК РФ является то, что «... **суды** при рассмотрении дел **обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы**, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции РФ, оказывалось бы существенно ущемленным...» (абзац 2 п. 3.2 мот. части **Постановления КС № 28-П от 27.10.15 г.**), что мы и имеем на практике, когда указанные нормы «судьями» понимаются и применяются формально, то есть параноически с нарушением причинно-следственных связей и без учета фактической правоспособности сторон.

1.4.1.2 При этом, учитывая, что согласно Определений Конвенции СЕ «Об уголовной ответственности за коррупцию», принятой в Страсбурге 27.01.99 г.: понятие "публичное должностное лицо" охватывает определения "должностное лицо", "публичный служащий", "мэр", "министр" или "судья", существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо отправляет свою должность, как они применяются в уголовном праве этого государства (п. «а»); термин "судья", упомянутый в подпункте "а" выше, включает прокуроров и лиц, занимающих судебные должности (п. «b»); «**Прокуроры** являются государственными гражданскими служащими, в задачу которых входит способствовать осуществлению правосудия. В связи с этим они **являются частью системы правосудия в широком смысле этого понятия**. Общество заинтересовано в том, чтобы **прокуроры, как и служащие судов, пользовались общественным доверием...**» (§ 54 **Постановления от 11.03.03 г. по делу «Lesnik v. Slovakia»**); «... особый статус адвокатов ставит их в центральное положение при отправлении правосудия как **посредников между обществом и судом**. Такое положение объясняет нормы поведения, обычно устанавливаемые для представителей адвокатуры. Кроме того, **суды как гаранты правосудия, выполняющие фундаментальные функции в правовом государстве, должны пользоваться доверием общества**. Принимая во внимание **ключевую роль адвокатов в этой области**, можно ожидать от них, что они будут способствовать **надлежащему** отправлению правосудия и тем самым **поддерживать доверие общества в этой сфере (...)**» (§ 50 **Постановления от 30.06.15 г. по делу «Peruzzi v. Italy»**); «... если независимость и беспристрастность прокурора или аналогичного должностного лица **не открыты для критики**, повышенная чувствительность общественности к справедливому осуществлению правосудия **оправдывала растущее внимание к внешним проявлениям (...)**» (§ 24 **Постановления от 26.05.09 г. по делу «Batsanina v. Russia»**), то есть их беспристрастность и объективность обосновано вызывают сомнение и указывают на коррупционные составляющие (ст. 19 **Конвенции ООН против коррупции**, статьи 11, 12 **Конвенции СЕ «Об уголовной ответственности за коррупцию»**). При этом частные лица «... **должны располагать эффективной защитой от недобросовестных действий властей**» (§ 38 **Постановления от 07.06.2001 г. по делу «Kress v. France»**). Мало того, в силу принципа II **Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации**, принятой Комитетом министров СЕ 12.02.04 г.: «Государство, правительство и **любые другие** институты исполнительной, законодательной и судебной власти могут подвергаться критике в СМИ. В связи с их **господствующим положением**, эти институты **не должны быть защищены** посредством уголовного законодательства от клеветнических и оскорбительных утверждений. Причем, в тех случаях, когда данные институты пользуются такой защитой, она **должна применяться в ограниченной степени**, чтобы ни коим образом не ущемлять свободу критики. **Лица, представляющие эти институты,**

сохраняют право на индивидуальную защиту». Принцип III от государств **требует**, чтоб если «Политические деятели решили заручиться общественным доверием и **соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии**, а значит, **общество может осуществлять за ними строгий контроль**, активно и **резко критиковать** в СМИ то, **как они выполняли** или **выполняют свои обязанности».** Принцип IV государства **обязывает** к тому, что «Должностные лица **должны** принять тот факт, что они **будут** являться объектом **общественного контроля и критики**, в частности, посредством СМИ, в отношении того, **как они исполняют или исполняли свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий».** Главное, чтоб соблюдался принцип соразмерности и соблюдалось условие, «... что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела» (Принцип V).

1.4.2 И здесь я должен сделать отступление для уточнения в применяемой терминологии, что позволит более ясно оценить то, что является предметом обращения. Мы **должны** исходить из того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. **Признание, соблюдение и защита** прав и свобод человека и гражданина – **обязанность** государства (ст. 2 Конституции РФ). Права и свободы человека и гражданина **являются непосредственно действующими. Они определяют смысл**, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и **обеспечиваются правосудием** (ст. 18 Конституции РФ). При этом правосудие признается таковым, когда оно отвечает требованиям справедливости и **обеспечивает** эффективное восстановление в правах, то есть **когда средства правовой защиты позволяют «предотвращать предполагаемое нарушение** или **его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (...)**» (§ 16 **Постановления ЕСПЧ от 24.02.05 г. по делу «Poznakhirina v. Russia».** Тоже в § 84 **Постановления от 24.05.16 г. по делу «Макшаков против РФ», § 347 от 17.01.17 г. по делу «A.X. and Others v. Russia».**) Вопрос об эффективных средствах правовой защиты более полно рассмотрен в п.п. 4 – 4.6 заявления № 3142 (заяв.№3142Ирина-Зуг.дело (<https://clc.to/1VS-9A>)), заяв.№3040СредстваПравЗащ2 (<http://clc.am/КМycinA>).

Мы должны исходить из того, что человек – это существо, которое должно быть разумным и с момента рождения и до смерти имеющее определенные права. Гражданином является человек, принадлежащий к постоянному населению данного государства, который **должен** пользоваться его защитой и наделен совокупностью не только прав человека, но и политическими правами, а также **соответствующими обязанностями**. Также необходимо иметь в виду, что обязанности у человека появляются **всякий раз**, когда он вступает в отношение с другим человеком. **Для регулирования** деятельности между людьми и создаются органы власти со штатом должностных лиц, которые наделяются **для выполнения возложенных на них функций соответствующими** правами и обязанностями. Однако, становясь должностными лицами, граждане не только **дополнительно** наделяются соответствующими правами и обязанностями, но и **добровольно соглашаются с ограничениями их гражданских прав**, поскольку их деятельность **должна** быть прозрачной и открытой для контроля со стороны не только общества в целом, но и отдельных граждан, чьи права и свободы затрагивает должностное лицо. Например, если осуществление видеозаписи гражданина **должно** осуществляться при наличии его согласия, то для видеозаписи действий должностного лица его согласие не требуется, поскольку **требование публичности и прозрачности деятельности органов власти и их должностных лиц и есть те ограничения их гражданских прав, на которые они согласились при вступлении в должность**. При этом правам граждан **корреспондирует обязанность** должностных лиц эти права признавать, соблюдать, **обеспечивать** и защищать. Гражданин при соблюдении соответствующих обязанностей по отношению к другим **гражданам** **волен распоряжаться своими правами по своему усмотрению** и **никакое** должностное лицо **не вправе** ему воспрепятствовать в этом, а напротив **обязано оказать содействие в осуществлении его прав**. Именно в этом заключается **основная функция** органов власти и их должностных лиц.

В мафиозных, то есть заповоленных Бандитами и Отморозками, как Россия государствах, должностные лица видят свою функцию не в признании, соблюдении, **обеспечении** и защите права и свобод граждан, а в их не только ограничении, но и полной отмене. При этом свою деятельность они видят в условиях полной секретности с отменой публичности и прозрачности, то есть условиях, когда их деятельность не может уже проверить не только общество в целом или отдельные граждане, но и судебные органы, **которые действуют в тех же конспиративных условиях**. Также **любой** мафиозный режим характеризуется несоответствием существующих законодательства и практики, когда

последняя определяется **именно дискриминацией** граждан должными лицами по признаку вседозволенности и безответственности, а также, как правило, некомпетентностью должностных лиц. И поскольку должностные лица **мафиозным руководством наделяются правами** на некомпетентность, вседозволенность и безответственность, поэтому чем они больше, тем меньше публичности и прозрачности в их деятельности и, соответственно, запретов на осуществление прав гражданами. В этом случае должностные лица испытывают животный страх показать свою компетентность, поскольку результатом этой «компетентности» является **обязательное** нарушение прав граждан, то есть Жертв и невыполнение должностными лицами ни своих прямых должностных обязанностей, ни функций, за выполнение которых они только и вправе получать заработную плату. В мафиозных государствах органы власти, не видя различий между частными и публичными правоотношениями перестают понимать, что «... **видеонаблюдение** за работником на рабочем месте, будь то скрытое или нет, **должно рассматриваться как значительное вторжение в его частную жизнь** (...), и, следовательно,.. **это представляет собой вмешательство по смыслу статьи 8**. Любое вмешательство может быть оправдано **только** в соответствии с пунктом 2 статьи 8, **если оно соответствует закону**, преследует одну из более законных целей, к которой относится это положение, и необходимо в демократическом обществе для достижения такой цели (...) (§ 55 **Постановления от 28.11.17 г. по делу «Antović and Mirković v. Montenegro»**). ... национальные суды **не рассматривали вопрос о действиях, которые соответствуют закону**, поскольку **они не считают**, что оспариваемое видеонаблюдение является вмешательством в личную жизнь заявителей» (§ 56 **там же**).

Именно это мы и можем наблюдать в России: «... национальные суды **не рассматривали вопрос о действиях, которые соответствуют закону**, поскольку **они не считают**, что оспариваемое видеонаблюдение является вмешательством в личную жизнь заявителей» (§ 56 **Постановления от 28.11.17 г. по делу «Antović and Mirković v. Montenegro»**). Хотя «**необходимо вести видеозапись всех допросов и установить видеонаблюдение во всех местах содержания под стражей**, где могут находиться задержанные, за исключением случаев нарушения права задержанных на неприкосновенность частной жизни или на конфиденциальное общение со своим адвокатом или врачом. Такие записи **должны храниться в безопасных помещениях**, например в прокуратурах, **и предоставляться следователям, задержанным и их адвокатам**» (п. 11 «d» **Заключительных замечаний КПП ООН от 08.08.18 г.**).

1.4.2.1 Как правило, нарушение права на публичное разбирательство дела начинается с того, что Жертву при отсутствии признаков злоупотребления правом **незаконно** лишают права проводить видеозапись судебного процесса способом **по своему выбору**, как **это предусмотрено** ст.ст. 8, 19 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 14, п. 2 ст. 19 Пакта в их нормативном единстве, хотя «... заявитель имел право на публичное разбирательство дела судом в соответствии с российским законодательством (...). Посему **у него не было необходимости ходатайствовать особо о проведении публичного разбирательства** дела судом (...)... » (§ 17 **Постановления от 07.06.07 г. по делу «Zagorodnikov v. Russia»**). А если учесть, что речь идет о **системной коррупции**, то осуществление видеозаписи судебного процесса Жертве гарантированы п. 1 ст. 5 Конвенции ООН против коррупции, п. 3 ст. 3 Закона «О противодействии коррупции», предусматривающие **публичность и прозрачность** деятельность органов государственной власти, к которым относится и суд. Если **стороной в деле являются органы государственной власти и гражданин**, то **мнения органов власти не имеют никакого значения** при решении вопроса о производстве видеозаписи, поскольку эти **мнения ограничены рамками подлежащих применению норм законодательства о противодействии коррупции**. Предметом ограничения на распространение сведений могли быть **только** конфиденциальные данные гражданина, однако когда он выступает за то, чтоб **все** сведения о нем были предметом гласности и открытости, то у «правоприменителей» нет **законных** оснований для нарушения **его** права на публичное разбирательство дела, поскольку **предметом защиты является только право гражданина, защищаемое ст. 17 Пакта, ст. 8 Конвенции**.

Повторяю еще раз и обращаю на это **особое** внимание: публичные правоотношения **в любом случае** являются предметом **общественного интереса** и деятельность должностных лиц **ограничена** законодательством о противодействии коррупции, которое **обязывает эту** деятельность осуществлять публично, открыто, прозрачно и транспарентно. Когда же публичные правоотношения перетекают в частные, то деятельность частных лиц и их конфиденциальная информация накладывают ограничения на права другого частного лица. Перетекая в публичные правоотношения, деятельность должностных лиц вновь

ограничивается законодательством о противодействии коррупции и на них возлагается **обязанность** эту деятельность сделать максимально открытой. Если, например, в судебном процессе предметом спора являются интересы граждан, то здесь может иметь место ограничение на осуществление видеозаписи, но опять-таки **с учетом** предмета спора. Когда же речь идет о правоотношениях сторон **с судом**, то **это** уже является предметом публичных правоотношений и мнение другой стороны на осуществление гражданином своего права на сбор информации посредством видеозаписи **в этом случае никакого** значения не имеет, поскольку другая сторона **не вправе** в эти правоотношения вмешиваться. Важно, чтоб другая сторона не попала в объектив видеозаписи, либо стороной, производящей видеозапись, были осуществлены действия, не позволяющие установить сторону, которая против видеозаписи. Однако в любом случае, заявление отвода суду, принесение возражений на действия и решения председательствующего, оглашение решений, разъяснение прав и т.п. **должно** осуществляться при обеспечении стороны возможностью производить видеозапись, поскольку **эти** правоотношения относятся к публичным, являются предметом **общественного интереса** и **должны** регулироваться законодательством о противодействии коррупции. **Важным является и то, что когда гражданин приглашается представителями органов власти, то этот орган власти обязан обеспечить право гражданина фиксировать общение посредством видеозаписи опять-таки публичных правоотношений.**

В рассматриваемом контексте следует иметь в виду, что «... для удовлетворения **требований** справедливого судебного разбирательства обвиняемый и, действительно, **общественность** **должны** быть в состоянии понять приговор, который был вынесен; **это жизненно важная защита от произвола... верховенство закона и отказ от произвола власти являются принципами, лежащими в основе Конвенции** (...). В судебной сфере эти принципы служат укреплению общественного доверия к **объективной** и **прозрачной** системе правосудия, **одной из основ** демократического общества (...)» (§ 67 **Постановления от 29.11.16 г. по делу «Lhermitte v. Belgium»**).

1.4.2.2 При этом всегда необходимо исходить из того, что «... с учетом важного места, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство (...), Суд **должен** склоняться к выбору в пользу "содержательного", а не "формального" понятия "обвинения" в тексте статьи 6 п. 1. Суд призван видеть, что скрывается за внешней стороной дела, и **исследовать реалии рассматриваемой процедуры** (§ 44 **Постановления от 27.02.1980 г. по делу «Deweert v. Belgium»**). ... **существующий текст** все еще несет на себе **отпечаток своего происхождения. Свидетельством тому является терминология.** ... (§ 45 **там же**). ... в суде заявитель имел бы право ссылаться ... не только на свою добросовестность или на дополнительные затраты, ... но и на то, что Министерское **постановление ... противоречит Конституции** или **несовместимо с нормами права Европейского сообщества** (...). ...» (§ 48 **там же**). «... Конвенция гарантирует права, которые являются практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными (...) и **при оценке конвенционных прав необходимо выходить за рамки внешних признаков и сосредотачиваться на реальной ситуации** (...). ...» (§ 152 **Постановления от 07.11.17 г. по делу «Dudchenko v. Russia»**). При этом «... Делая вывод, что **обязанности заявителя** являлись "гражданскими" по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции, и что при этом в данном деле **преобладали признаки частного права**, Палата, главным образом, приняла во внимание особый характер **спора между заявителем и государством.** ... **во внимание необходимо, прежде всего, принять должность, занимаемую заявителем, характер его должностных обязанностей и ответственности.** ...» (§ 30 **Постановления от 12.04.06 г. по делу «Martinie v. France»**). «... государство **не имеет полной свободы действий** для установления ограничений в общей манере без обеспечения какой бы то ни было степени **гибкости, позволяющей определить,** являются ли ограничения по **конкретным делам подходящими или действительно необходимыми** (...) ...» (§ 126 **Постановления от 30.06.15 г. по делу «Khoroshenko v. Russia»**). «... правовое положение, которое наложило абсолютный и автоматический запрет ... и которое не позволяло властям принимать во внимание ни свою собственную ошибку (...), ни взвесить различные интересы привело к тому, что заявитель, чья **добросовестность является бесспорной,** ... такой запрет наложил на заявителя **чрезмерное бремя, несовместимое с требованиями ... Конвенции** (...)» (§ 35 **Постановления от 18.12.18 г. по делу «Arutyunov v. Russia»**).

1.4.2.3 Также следует иметь в виду, что «... свобода выражения мнений включает публикацию фотографий (...). Аналогичным образом, считается, что свобода выражения мнений включает трансляцию видеоматериалов (...)... (§ 38 Постановления от 22.02.18 г. по делу «Alpha Doryforiki Tileorasi Anonymi Etairia v. Greece»)... общепризнанно, что аудиовизуальные средства массовой информации зачастую оказывают гораздо более непосредственное и мощное воздействие, чем печатные СМИ (...). Поэтому, хотя свобода выражения мнений распространяется и на публикацию фотографий,.. это область, в которой защита прав других лиц приобретает особое значение, особенно там, где образы содержат очень личную и интимную "информацию" о человеке или когда они получаются в частных помещениях и тайно путем использования секретных записывающих устройств (...). Факторы, относящиеся к оценке, где находится баланс между конкурирующими интересами, включает дополнительный вклад публикации фотографий в обсуждение, представляющее общественный интерес, а также содержание фотографий (...) (§ 48 там же)... Что касается различия между сообщением, с одной стороны, и трансляцией видеороликов, с другой стороны,.. защита прав и репутации других лиц приобретает особое значение в контексте публикации фотографий, которые могут содержать очень личную или даже интимную информацию (...). Те же самые соображения применяются – и тем более – к трансляции видео, поскольку аудиовизуальные средства массовой информации зачастую оказывают гораздо более непосредственное и мощное воздействие, чем печатные СМИ (...). Поэтому, даже принимая во внимание особенности телевидения, не может быть возражений против проведения различия между освещением конкретных новостей и трансляцией видеоматериалов (...), хотя, несомненно, что трансляция видеоматериала добавила достоверность к изложению событий, приведенных в сообщении (...) (§ 57 там же) ... в первом видеоролике А.С. был снят входящим в зал игровых автоматов и его игра на них. Поэтому сотрудники компании-заявителя записали первое видео в публичном месте, то есть доступном для всех... (§ 63 там же). ... тот факт, что первое видео было снято в общественном месте, где любой мог сфотографироваться или ... снять на видео члена парламента, является фактором, который должен был быть принят во внимание национальными властями при оценке поведения журналистов... в случаях, когда люди сознательно или намеренно вовлекают себя в деятельность, которая оформляется или регистрируется в публичной манере, разумные ожидания лица в отношении неприкосновенности частной жизни могут быть существенным, хотя и не обязательно убедительным фактором (§ 64 там же). ... что касается первого видео,.. национальные власти не приняли во внимание в своей оценке тот факт, что оно было снято в общественном месте, элемент, который ... ослабляет легитимность любых ожиданий неприкосновенности частной жизни А.С., возможно, когда он вошел в зал игровых автоматов (§ 67 там же). ... что касается первого видео, то национальные власти не приняли во внимание обстоятельства, при которых оно было получено. Несмотря на то, что оно также было снято скрытой камерой,.. оно не было снято в частных помещениях и что вмешательство в права А.С. по статье 8 было, таким образом, значительно менее серьезным. Таким образом,.. национальные власти должны были включить в свою оценку тот факт, что А.С., входя в игорный зал, мог законно ожидать, что его поведение будет тщательно контролироваться и даже записываться на камеру, особенно с учетом того факта, что он был общественным деятелем» (§ 78 там же).

Таким образом, «... трансляция видеоматериала добавила достоверность к изложению событий, приведенных в сообщении (...) (§ 57 Постановления от 22.02.18 г. по делу «Alpha Doryforiki Tileorasi Anonymi Etairia v. Greece»). «... в соответствии с утверждениями правительства, видеонаблюдение, по крайней мере 20 апреля 2012 года, велось без записи изображения (...), поэтому Суд не может проверить правдивость утверждений правительства» (§ 238 Постановления от 30.04.13 г. по делу « Tymoshenko v. Ukraine »). «Что касается качества доказательств, ... заявители ни разу не оспаривали подлинность или точность отснятого материала с помощью видеонаблюдения, а их основная жалоба основывалась на отсутствии предварительной информации об установке камер. Национальные суды, со своей стороны, установили, что записи предоставили достаточные гарантии подлинности. Учитывая обстоятельства, при которых были получены записи, Европейский Суд не видит оснований ставить под сомнение их подлинность или достоверность. Таким образом, ... они представляют собой убедительные доказательства, которые необязательно должны подтверждаться другими материалами» (§ 156 Постановления от 17.10.19 г. по делу «López Ribalda and Others v. Spain»).

1.4.2 Согласно п. 23 ППВС РФ № 35 от 13.12.12 г.: «Несоблюдение требований о гласности судопроизводства (статья 10 ГПК РФ, статья 24.3 КоАП РФ, статья 241 УПК РФ)

в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений, если такое нарушение соответственно привело или могло привести к принятию незаконного и (или) необоснованного решения, не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело об административном правонарушении либо привело или могло привести к постановлению незаконного, необоснованного и несправедливого приговора (пункт 4 части 1 и часть 3 статьи 330, статья 387 ГПК РФ, пункты 3, 4 части 1 статьи 30.7, пункты 3, 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ, пункт 2 части 1 статьи 369, часть 1 статьи 381 УПК РФ). Так, проведение всего разбирательства дела в закрытом судебном заседании при отсутствии к тому оснований, предусмотренных частью 2 статьи 10 ГПК РФ, частью 1 статьи 24.3 КоАП РФ и частью 2 статьи 241 УПК РФ, является нарушением принципа гласности судопроизводства и влечет за собой отмену судебных постановлений в установленном законом порядке».

Незаконный запрет на осуществление видеозаписи открытого судебного процесса фактически является проведением закрытого судебного заседания, так как без видеозаписи проверить в полном объеме, что происходило в процессе – невозможно.

1.4.3 При решении вопроса о нарушении права на публичное разбирательство дела «правоприменители» **обязаны** учитывать и требования, предъявляемые п.п. 28, 29 Замечаний общего порядка № 32 КПЧ ООН: «**Все** судебные разбирательства по уголовным делам или же в каком-либо гражданском процессе в принципе **должны** проводиться устно и **быть открытыми для публики**. Публичность слушаний **обеспечивает** **транспарентность** судопроизводства и тем самым **служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом**. Суды **обязаны** предоставлять информацию относительно времени и места проведения устных слушаний **для сведения общественности** и **обеспечивать надлежащие возможности** для присутствия заинтересованных представителей публики в **разумных** пределах с учетом, в частности, потенциальной заинтересованности в исходе дела и продолжительности устных слушаний (53). ... В пункте 1 статьи 14 подтверждается, что суды имеют право не допускать всю публику или часть ее по соображениям морали, общественного порядка (ordre public) или государственной безопасности в демократическом обществе или когда того требуют интересы частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, - **при особых обстоятельствах**, когда публичность нарушала бы интересы правосудия. В случае отсутствия таких **исключительных** обстоятельств разбирательство **должно** быть открытым для широкой публики, включая представителей средств массовой информации, и **не должно**, например, ограничиваться определенной категорией лиц...».

1.4.4 При этом следует отметить, что «государство-участник **должно** представлять правовое обоснование любого ограничения, установленного на осуществление права свободного выражения мнений (...). Для целей п. 3 ст. 19 Пакта норма должна быть сформулирована с достаточной четкостью, чтобы отдельные лица могли соответствующим образом выстраивать свое поведение (...). Закон **не должен** наделять лиц, которым поручено его осуществление, **неограниченными дискреционными полномочиями** **устанавливать ограничения на право** свободного выражения мнений, однако должны предоставлять лицам, которым поручено его осуществление, достаточные руководящие указания для того, чтобы они могли определить **основу** для ограничения прав, закрепленных в ст. 19 Пакта (п. 8.5 Соображений КПЧ от 24.07.2014 г. по делу «Marina Kockish v. Belarus»). В рассматриваемом смысле российские правоХоронители имеют **ничем не ограниченные** дискреционные полномочия и они **наделили себя** правом не предоставлять **правовое обоснование** для лишения Жертв права на ведение видеозаписей в **открытых** судебных процессах, подменяя **основания** для запрета, на **свое право** установления для Жертвы запрета на осуществление ею права сбора информации о публичных правоотношениях средствами и способами по своему выбору посредством ведения видеозаписи (ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 7 ст. 10 ГПК РФ, ч. 5 ст. 11 КАС РФ), хотя п. 2 ст. 19 Пакта **защищает все** формы выражения и способы распространения мнений, «к ним относятся **все виды аудиовизуальных, электронных и основанных на Интернет-технологиях средств выражения**» (п. 12 Замечаний общего порядка № 34). В результате этой реальной Паранойи правоХоронители **нагло злоупотребляют своими правами**, Жертвы лишаются права на сбор информации при отсутствии злоупотребления правом, а

правоХоронитель наделяет себя правом на осуществление произвола, которое в п. 7.4 **Соображений КПЧ от 23.07.14 г. по делу «Timur Ilyasov v. Kazakhstan»** понимается как: «... понятие "произвольности" включает в себя элементы неуместности, несправедливости, **отсутствия предсказуемости и должной процедуры**». То есть при решении рассматриваемого вопроса мы имеем **все** признаки произвола со стороны правоХоронителей мафиозного режима, поскольку **не применяются нормы права, которые применяться должны**.

При этом представители этого Мафиозного режима упорно не желают понимать, что «... даже предусмотренное законодательством вмешательство **должно соответствовать положениям, задачам и целям Пакта и должно быть целесообразным в конкретных обстоятельствах (...)**» (п. 11.9 **Соображений от 26.03.15 г. по делу «M.G.C. v. Australia»**) и «... **значимость информационно-коммуникационных технологий** заключается в их способности **создавать возможности** для оказания самых разных услуг, **видоизменять существующие услуги и повышать спрос на доступ к информации и знаниям** особенно применительно к недостаточно охваченным или социально изолированным группам населения... **С этой точки зрения новые технологии** можно использовать для поощрения всестороннего и равного участия ... **в жизни общества, но лишь при том условии, что они разработаны и изготовлены таким образом, чтобы обеспечить их доступность**. Новые инвестиции, исследования и производство **должны способствовать ликвидации неравенства, а не созданию новых барьеров...**» (п. 8.5 **Решения от 21.08.15 г. по делу «Ф. против Австрии»**).

Здесь же следует указать, что «... статья 10 Конвенции гарантирует право на распространение информации и право общественности на получение информации (...). **Будучи доступным** и позволяя хранить и передавать огромные объемы информации, **Интернет играет важную роль** в повышении всеобщей доступности новостей и способствует **обмену и распространению информации в целом (...)**. Кроме того, **статья 10 Конвенции применяется** не только к содержанию информации, но и **к средствам ее передачи или получения, поскольку любое ограничение средств обязательно влечет нарушение права на получение и распространение информации** (...). Статья 10 Конвенции гарантирует "каждому" свободу выражения мнения. При этом не имеет значения, преследуется ли цель извлечения прибыли или нет (...)... **вмешательство является нарушением статьи 10 Конвенции, если оно не "предусмотрено законом", не преследует одну или более правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, и не является "необходимым в демократическом обществе" для достижения этих целей**» (**Решение о приемлемости от 19.02.13 г. по делу «Fredrik Neij and Peter Sunde Kolmisoppi v. Sweden»**).

Мы же видим, как представители власти посредством **незаконных запретов** устанавливают новые барьеры для Жертв и неравенство, то есть дискриминацию по признаку должностного положения, чем нагло совершают преступления, предусмотренные ст. 136 УК РФ.

1.4.5 С учетом того, что сторона защиты обладает широкими полномочиями по защите своих прав и законных интересов, поэтому **ведение видеозаписи** судебного процесса предусмотрено ст. 6 Конвенции: «... **статья 6 Конвенции как таковая гарантирует** право обвиняемого на **эффективное участие** в уголовном процессе. Понятие "эффективного участия" в уголовном процессе включает **право делать записи** с тем, чтобы содействовать осуществлению защиты, независимо от того, представляет ли обвиняемого адвокат. Действительно, интересам защиты обвиняемого наилучшим образом может служить помощь обвиняемого, которую он оказывает в ведении дела своему адвокату **до того, как даст показания**» (§ 214 **Постановления от 09.10.08 г. по делу «Moiseyev v. Russia»**). При этом необходимо учитывать, что ведение видеозаписи стороной защиты во время процессуальных действий **прямо предусмотрено** п. 32 ст. 5, ч. 1 ст. 74, п. 6 ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 166, ч. 5 ст. 179, ч. 4 ст. 189 УПК РФ.

Но в любом случае ведение **реальной Жертвой записи**, а с **учетом права на широкое толкование** используемого понятия (§ 159 **Постановления от 23.06.16 г. по делу «Baka v. Hungary»**), видеозаписи, этот способ сбора информации ЕСПЧ был закреплен еще 09.10.2008 г., то есть почти 9 лет назад и что до российских правоХоронителей не может дойти до сих пор. Также следует уметь ввиду, что «... **цель** пункта 1 статьи 6 Конвенции, которая **заключается в обеспечении общественного контроля за деятельностью судебной власти для защиты права на справедливое судебное разбирательство**» (§ 57 **Постановления от 15.01.15 г. по делу «Malmberg and Others v. Russia»**). «... **публичный характер** разбирательства **защищает тяжущиеся стороны от отправления правосудия тайно, без публичного рассмотрения дела**; это также одно из **средств** поддержания

доверия к судам, как **вышестоящим**, так и **нижестоящим**. Делая отправление правосудия открытым, **публичность** судопроизводства **способствует достижению цели, предусмотренной пунктом 1 Статьи 6 Конвенции**, а именно осуществление справедливого правосудия, гарантия которого является одним из основополагающих принципов любого демократического общества по смыслу Конвенции (...) (§ 30 **Постановления от 17.01.2008 г. по делу «Ryakib Biryukov v. Russia»**)... "по смыслу Конвенции право на справедливое судебное разбирательство имеет настолько важное значение в демократическом обществе, что **ограничительное толкование пункта 1 Статьи 6 Конвенции не может отвечать целям и смыслу данного положения**" (...)» (§ 37 **там же**). При этом, «...при отсутствии иных средств обеспечить публичность, кроме **объявления резолютивной части решений судов** в открытом судебном заседании, решения вышеупомянутых судов **остаются недоступны общественности**. **Возможности предоставления текстов решений тем лицам, права и законные интересы которых нарушены** (...), **недостаточно для выполнения требования об их публичном характере** (...)» (§ 55 **Постановления от 15.01.15 г. по делу «Malmberg and Others v. Russia»**).

Цель пункта 1 Статьи 6 Конвенции не достигается, а именно **контроль со стороны общественности за деятельностью судебных органов** с целью обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, когда из-за краткости используемых формулировок **оглашаемой резолютивной части** выносимого решения, не только общественность неспособна понять причины, по которым отвергаются доводы заявителя, но эти причины недоступны для понимания и самому заявителю (§§ 38 - 46 **Постановления от 17.01.2008 г. по делу «Ryakib Biryukov v. Russia»**). В любом случае **должно** быть **установлено**: «был ли обеспечен общественный доступ к мотивированному решению по делу заявителя иными способами, помимо его объявления в открытом судебном заседании, и, если такой доступ был обеспечен, учесть характер публичности, сопровождающей мотивированное решение в целях **обеспечения его тщательного рассмотрения со стороны общественности**» (§ 39 там же).

1.4.6 Согласно смысла абзаца 3 п. 14 ППВС РФ № 35 от 13.12.12 г. суд **не вправе** запретить ведение видеозаписи только по причине субъективного и немотивированного нежелания участников процесса такой фиксации, если это не приведет к нарушению прав и законных интересов участников процесса. То есть **решающим** при решении вопроса о ведении видеозаписи является **положение сторон процесса**, но никак не самого суда. То есть, мотивировать необходимость запрета на ведение видеозаписи должны стороны. **Определяющим же являются нормы права, которые устанавливают положение сторон. Но в любом случае деятельность органов власти должна быть публичной и прозрачной**, так как «... право обвиняемого на **публичное слушание** представляет собой не только дополнительные гарантии того, что человек будет стремиться к установлению истины: оно также помогает убедить обвиняемого в том, что его дело будет рассмотрено судом, когда **он может контролировать** независимость и беспристрастность. **Публичность разбирательства в судебных органах защищает тяжущихся против правосудия в тайне, без общественного контроля**; она также представляет собой **один из способов поддержания доверия к судам. Обеспечение прозрачности помогает реализовать цели статьи 6 § 1: справедливого судебного разбирательства, включая гарантии, что является одним из принципов любого демократического общества по смыслу Конвенции**» (§ 25 **Постановления от 06.07.2004 г. по делу «Dondarini v. San Marino»**).

1.4.7 Также мы должны помнить, что в силу подпункта 1 ч. 1 ст. 151.1 ГК РФ разрешение видеозаписи **не требуется**, если это осуществляется в государственных, **общественных** или **публичных интересах**. Так как рассмотрение дел в российских «судах» осуществляется откровенно **преступными** способами, поэтому **для целей фиксации совершаемых преступлений запрет на осуществление видеозаписи недопустим** в принципе и это уже относится не только к нарушению ст. 19 Пакта, ст. 10 Конвенции, но и к нарушению п. 3 ст. 2 Пакта, п.п. 1, 5 ст. 9 Декларации о праве, ст. 13 Конвенции, гарантирующих эффективные **средства правовой защиты**, которые должны применяться **своевременно** (п. 8.4 **Соображений от 01.04.15 г. по делу «Sapardurdy Khadzhiyev v. Turkmenistan»**, § 61 **Постановления от 22.03.16 г. по делу «Kolesnikov v. Russia»**). То есть ограничение или запрещение осуществления права на сбор информации посредством видеозаписи **с учетом правового и политического контекста** – недопустим.

1.4.8 Если мы примем во внимание, что «... требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах применительно к решениям соответствующих судебных инстанций **предполагают обязательность фактического и правового**

обоснования принимаемых ими решений, в том числе - обоснования отказа в отмене или изменении обжалуемого судебного акта, **что невозможно без последовательного рассмотрения и оценки доводов соответствующей жалобы...** Указанные права, по смыслу Конституции РФ, в частности ее статьи 21 (часть 1)... **требует рассматривать гражданина не как объект государственной деятельности, а как равноправного субъекта**, могущего защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, предполагают не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение **АДЕКВАТНЫЙ ответ**» (в **Определении № 42-О от 25.01.05 г.**) – то ведение видеозаписей в учреждениях без разрешения на то граждан, которое устанавливается всевозможными правилами, является актами дискриминации по отношению к гражданам по признаку должностного положения, что является преступлением, предусмотренным ст. 136 УК РФ.

Но из приведенного нам понятно, что той правоспособностью, которой обладают органы государственной власти, такой же правоспособностью обладают и граждане. А это значит, что там, где ведется видеозапись граждан, там, исходя из принципа юридического равенства (абзац 3 п. 3.3 мот. части **Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г.** – п. 1.2.8 выше), следует, что и граждане имеют право, не спрашивая никого, сами вести видеозаписи.

1.4.9 Также в рассматриваемом контексте необходимо иметь ввиду доводы Конституционного Суда РФ, выраженные, например, в абзаце 2 п. 2.2 мот. части Постановления № 9-П от 14.05.15 г., где разъяснено еще более определенно: «При этом **значимым ориентиром** для разрешения **коллизии законов** в контексте конституционных предписаний **в любом случае** является **требование о приоритетности прав и свобод человека и гражданина**, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (**статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации**). Именно **это требование** прежде всего **предполагает содержательную согласованность** норм, определяющих организацию государственной, в том числе судебной, власти, с нормами **о деятельности органов публичной власти** в соответствующих сферах: ни в законотворчестве, ни в правоприменении **недопустима ситуация**, когда необходимость полноценной реализации процессуальных гарантий приносится в жертву простоте и очевидности организационных решений в сфере судоустройства. Иное противоречило бы правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой **цели одной только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и не могут оправдывать отступление от закрепленных в Конституции Российской Федерации и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту**».

1.4.10 Также необходимо учитывать и то, что **публичные функции должны отвечать требованиям эффективности и процессуальной экономии**, а судебный контроль **не может решаться произвольно или исходя из одних лишь формальных условий**. При этом суд должен **соблюдать баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства**. (абзац 4 п. 2 мот. части **Постановления КС № 23-П от 16.07.15 г.**).

1.4.11 И здесь необходимо иметь ввиду доводы ЕСПЧ, выраженные в § 31 Постановления от 23.09.94 г. по делу **«Jersild v. Denmark»**: «... свобода слова является **одной из главных опор демократического общества** и что предоставляемые прессе гарантии имеют особое значение (...). Пресса, выполняя возложенную на нее функцию распространения информации и **идей в общественных интересах**, не должна преступать пределов, установленных *inter alia* в интересах "защиты прав и репутации других лиц". В то время как на прессу возлагается задача распространять такую информацию и идеи, общественности предоставляется право получать их. Если бы это было иначе, то пресса была бы не в состоянии играть свою **жизненно необходимую роль** "сторожевого пса общественности" (...). Эти принципы, хотя они и были сформулированы прежде всего в отношении печатных средств информации, без сомнения, применимы и к аудиовизуальным средствам информации. При рассмотрении "обязанностей и ответственности" журналиста потенциальное воздействие соответствующего средства информации является важным фактором; **повсюду признается, что аудиовизуальные средства информации часто обладают значительно более непосредственным и мощным воздействием, чем печать** (...). **Аудиовизуальные средства информации способны с помощью образов передавать смысл, который не в силах донести печатные средства информации**. В то же время методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно

варьироваться в зависимости от других особенностей средства информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам. В этом контексте Суд напоминает, что **статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи** (...)).».

Представители Международного общественного движения «Общественный Контроль Правопорядка» являются **реальными** правозащитниками, а поэтому всё приведенное касается, конечно, и нас. При этом необходимо иметь ввиду, что «информация является скоропортящимся товаром, и задержка с публикацией, даже на короткий период времени, создает большой риск того, что она будет лишена всякой ценности и любого интереса» (§ 89 **Постановления от 29.03.11 г. по делу «RTBF v. Belgium»**).

1.4.12 Важность ведения видеозаписи при получении **основного** доказательства установлена ЕСПЧ в Решении от 20.01.05 г. по делу **«Accardi and Others v. Italy»**, Постановлениях от 24.07.08 г. по делу **«Vladimir Romanov v. Russia»**, § 105; от 05.02.09 г. по делу **«Makeyev v. Russia»**, § 42; от 14.01.2010 г. по делу **«Melnikov v. Russia»**, § 76; от 24.04.12 г. по делу **«Damir Sibgatullin v. Russia»**, § 57 и др.

В **Постановлении от 24.04.12 г. по делу «Damir Sibgatullin v. Russia»** ЕСПЧ был «озабочен уклонением областного суда от рассмотрения иных возможностей обеспечения права защиты на перекрестный допрос свидетелей, например,.. **использования современных средств аудиовизуальной коммуникации, обеспечивающих защите возможность задать вопросы свидетелям»** (§ 56 там же). ... Европейский Суд находит существенным, что заявителю не была предоставлена возможность **контролировать** порядок допроса свидетелей следователем или проверить достоверность и надежность показаний своих обвинителей при очной ставке. Кроме того, **поскольку показания свидетелей, полученные следователем, не фиксировались с помощью видеозаписи, ни заявитель, ни присяжные не могли наблюдать их поведение при допросе и таким образом составить представление об их достоверности** (...). Европейский Суд не сомневается в том, что национальные суды тщательно исследовали показания свидетелей, приняли во внимание тот факт, что они не меняли свою версию происшествия, и дали заявителю возможность оспаривать их в судебном заседании, но **это едва ли может рассматриваться как надлежащая замена личного наблюдения важных свидетелей, дающих устные показания** (...)) (§ 57 там же).

«... поскольку данные следователю свидетельские показания **не были зафиксированы с помощью видеозаписи**, ни заявитель, ни судьи **не могли наблюдать за поведением** свидетелей во время допроса и, таким образом, **составить собственное представление о достоверности их показаний**» (§ 215 **Постановления от 23.03.16 г. по делу «Blokhin v. Russia»**). То есть, собственное мнение о достоверности происходящего можно составить только тогда, когда подлежащее установлению событие можно **наблюдать** и оценивать **непосредственно**, поскольку **«Наблюдение поведения подозреваемых, свидетелей и потерпевших при опросе и оценка доказательной силы их показаний образует существенную часть процесса проверки»** (§ 87 **Постановления от 18.03.10 г. по делу «Maksimov v. Russia»**).

1.4.13 С учетом того, какими откровенно преступными способами 27.03.17 г. был привлечен к административной ответственности Навальный А., когда в основу принятого решения не были положены **основные** доказательства: **видеозаписи** его задержания (<https://youtu.be/gpYdaaYjXmE> - «Как Навального забрали на митинге 26 марта в Москве!!!»), а положены **заведомо ложные показания сотрудников полиции** (<https://youtu.be/zwYiJmZpvFs> - «Адвокат Навального о решении Тверского суда»), поэтому **любое** общение с представителями Мафиозного режима **должно** оформляться **исключительно видеозаписью**, так как только видеозапись может спасти от того полномасштабного Беззакония и Произвола, которые творятся в абсолютно преступных органах, именуемых: «Суд»: <https://youtu.be/samWR3Rht5M> («Мразь в мантии бежит с места преступления!))))»), https://youtu.be/X_7_ff87_LQ («Судья, Вы преступник!!!»), <https://youtu.be/3ti9qfkxdDA> («Краснодарские Ублюдки в мантиях!») и др.

На сегодняшний день **суды в России являются основным источником Беззакония и Произвола.**

1.4.14 В Постановлении от 12.11.15 г. по делу **«Sakit Zahidov v. Azerbaijan»** ЕСПЧ увидел нарушение права на защиту, когда лишенный свободы ходатайствовал о производстве видеозаписи при его общении с правоприменителями, и такая видеозапись затем представлена не была (§ 53).

Российские Бандиты в мантиях и мундирах представляют опасность для окружающих, а поэтому общение с ними **должно** проводиться **при обязательной** видеофиксации. Только так **от Бандитов можно спастись**: <https://youtu.be/IC2WeX54F6g> («За Законность мы БУДЕМ БИТЬСЯ!!!..»), https://youtu.be/mWA_sYxIZsw («Гражданин в окружении Придурков в мантиях и мундирах»), <https://youtu.be/ZPDKyZPQciA> («Российская элита, то есть путлеровское Дерьмо!»), <https://youtu.be/bgg4x4uYAgE> («Сумасшедшая без Мозгов отправляет Кривосудие!)))»), <https://youtu.be/bGj7ZmdNEo> («Подонок Бизяев из Кировского облсуда. Сентябрь 20014 г.»), <https://youtu.be/Bzanj64KXEK> («Это то, что СОЗДАЛ Путлер и его Банда: система Гестапо!») и т.д.

В силу п. 12 Замечаний общего порядка № 34 КПЧ ООН: «Пункт 2 **защищает все формы выражения и способы** распространения мнений. К таким формам относятся ... **все** виды аудиовизуальных, электронных и основанных на Интернет-технологиях средств выражения». Так как речь идет о **публичных правоотношениях**, а не частных, поэтому правоспособность правоХоронителей на запрет публичности и прозрачности **ограничивается** законодательством о противодействии коррупции и поэтому у российских правоХоронителей **не было, нет и не будет права** на запрет осуществления Жертвами видеозаписи **совершаемых ими преступлений**.

1.4.15 О **необходимости** осуществления фото- и кино съемки для **установления объективной оценки поведения человека** Великий российский Психолог Рубинштейн С.Л. объяснял еще в пятидесятых годах прошлого века: «Требование фотографичности, которое **технически** стали осуществлять в психологии путем использования не только фотографии, но и **кинематографа, должно** означать не только, а иногда не столько требование полноты, **сколько требование объективности наблюдения, т.е. фиксации фактического материала независимо от объективного его истолкования**. При этом надо учесть, что хотя и следует различать факты и их более и менее субъективное истолкование, но **нельзя описание фактов и их истолкование друг от друга оторвать**. Наблюдение становится методом **научного познания** лишь постольку, поскольку оно не ограничивается простой регистрацией фактов, а переходит к формулировке гипотез, с тем чтобы **проверить** их на новых наблюдениях и, отмечая исключения, уточнить первоначальные гипотезы или заменить их новыми... Действительно, **научно плодотворным** объективное наблюдение становится постольку, поскольку оно **связано** с установлением и **проверкой** гипотез. Таким образом, фактический материал и его истолкование, не смешиваясь, объединяются теснейшим образом. Отделение субъективного истолкования от объективного и выключение субъективного производится в самом процессе наблюдения, соединенного с постановкой и **проверкой** гипотез... Описание поведения, которое может представлять **какой-либо интерес в психологическом плане, всегда должно** содержать в себе **психологическое истолкование**». («**Основы общей психологии**», Питер, 2000 г., стр. 44).

1.4.16 Поэтому **оснований** для запрета на осуществление права на сбор информации посредством видеозаписи по **рассматриваемым** правоотношениям у российских «судей» и «прокуроров», как правило, - нет, в связи с чем мы можем **наблюдать** полномасштабный произвол и **реальную Паранойю** в их **фантазиях**. Более полно вопрос о праве Жертв на осуществление видеозаписи **по своему усмотрению** при **отсутствии признаков злоупотребления правом** открытых судебных процессов, где стороной являются органы власти, то есть **лиц, деятельность которых представляет общественный интерес**, мной рассмотрен в заявлении № 2775 (<http://clc.to/EQNYog>), п. 1.1.3 жалобы № 2952 (<http://clc.am/7jQqww>), п.п. 4.1 – 4.1.15 апелляционной жалобы № 2690 (<http://clc.to/QsiU9w>). Важно лишь помнить, что видеозапись – это гарантия публичности, а «... что касается публичного характера судебного разбирательства,.. эта **гарантия была предназначена** для **защиты участников спора от риска того, что правосудие будет отправляться в тайне, без контроля со стороны общественности**. Она также являлась **способом стимулирования доверия общества к судам, поскольку делала отправление правосудия более прозрачным, и способствовала справедливому судебному разбирательству - характерной черте любого демократического общества** (...)» (§ 31 **Постановления от 10.05.07 г. по делу «Kovalev v. Russia»**).

1.4.17 Также, с учетом того, что «... суды являются и принимаются широкой общественностью как **должный форум для установления законных прав и обязанностей** и **урегулирования споров** относительно них; далее, что **общественность** в целом уважает суды и **уверена в их способности выполнять эту функцию** (...). Суды, являющиеся **гарантами справедливости** и имеющие

основополагающую роль в государстве, регулируемом верховенством закона, **должны** пользоваться общественным доверием, **если им удастся выполнять свои обязанности...** (§ 54 Постановления от 28.06.16 г. по делу «Radobuljac v. Croatia»). ... Суды, как и все другие общественные институты, **не защищены от критики и контроля** (...). Поэтому - за исключением случаев серьезного нанесения ущерба, которые являются по существу **необоснованными** - учитывая, что **судьи являются частью фундаментального института государства**, они могут как таковые подвергаться личной критике в пределах допустимых пределов, а не только в теоретических и общей манере. Действуя в официальном качестве, судьи, таким образом, **должны подвергаться допустимой критике в более обширных пределах, чем обычные граждане** (...)» (§ 59 там же) - беспорядок в общественном месте и то, как власти справляются с ним, является предметом законных общественных интересов. В связи с этим перед средствами массовой информации стоит задача предоставить информацию о мероприятии, а общественность имеет право на получение такой информации. **Участники мероприятий играют решающую роль в предоставлении информации о том, как власти проводят публичные мероприятия и осуществляют сдерживание беспорядков.** Роль «сторожевого пса» для средств массовой информации приобретает особое значение в таких условиях, поскольку **их присутствие является гарантией того, что власти могут быть привлечены к ответственности за их поведение** по отношению к участникам мероприятия и **широкой общественности**, когда это касается органов правопорядка, крупных собраний, **включая методы, используемые для контроля** или разгона участников мероприятия или **для сохранения общественного порядка**. Поэтому **любая попытка удалить общественность со сцены общественного мероприятия должна подвергаться строгой проверке**. Это еще более касается того, когда участники событий осуществляют свое право распространять информацию общественности о **поведении** органов власти и о том, как власти справляются с беспорядками, которые происходят во время проводимых мероприятий. (§ 75 Постановления от 09.02.17 г. по делу «Selmani and Others v. the former Yugoslav Republic of Macedonia»). ... удаление заявителей **вызвало немедленные неблагоприятные последствия**, которые **мгновенно помешали им получить [информацию] из первых рук и прямое знание, основанное на их личном опыте событий**,.. и, таким образом, **неограниченный контекст, в котором власти обращались с ними** (...). Это были **важные элементы** при осуществлении журналистских функций заявителей, **которых общественность не должна была лишиться** ...» (§ 84 там же).

1.4.18 Вывод. **Осуществление фундаментального права на осуществление видеозаписи (п. 2 ст. 19 Пакта, п. 1 ст. 10 Конвенции) открытых судебных процессов (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции) при решении вопросов о публичных правоотношениях носит диспозитивный характер и разрешение на его осуществление ни от кого не требуется, так как это право предусмотрено Законом, которому судья обязан подчиняться в силу ч. 1 ст. 120 Конституции РФ.** При этом публичные правоотношения **должны** регулироваться законодательством о противодействии коррупции, как **специальные нормы права, обязывающие органы власти действовать в прозрачных процедурах.**

Иначе говоря, «... проведение публичных судебных заседаний является **основополагающим** принципом, закрепленным в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Этот **публичный характер защищает тяжущихся от тайного отправления правосудия без какого-либо общественного контроля**; он также является **одним из средств поддержания доверия к судам**. Делая отправление правосудия **прозрачным**, публичность **способствует достижению цели** статьи 6 § 1, а именно справедливому судебному разбирательству, гарантия которого является одним из основополагающих принципов любого демократического общества (...)» (§ 14 Постановления от 08.10.19 г. по делу «Talatov v. Russia»). «... **основной задачей судов является внушать доверие и**

уверенность (...)» (§ 196 **Постановления от 06.05.03 г. по делу «Kleyn v. Netherlands»**). «... действительно при определенных обстоятельствах безопасность участников судебного разбирательства могла бы в принципе оправдать ограничение доступа общественности. Однако, учитывая отсутствие каких-либо оснований, представленных национальными судами для закрытия слушаний, Суд не может проверить, требовали ли в данном случае какие-либо особые обстоятельства ограничения прав заявителя в соответствии со статьей 6 Конвенции (§ 15 **Talatov**). ... ограничение публичного доступа к судебному разбирательству заявителя подорвало общую справедливость судебного разбирательства в отношении него. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (§ 16 **там же**).

При этом, так как Жертвы Мафиозного режима при наличии публичных правоотношений **имеют право** на осуществление видеозаписи **этих правоотношений, защищаемых** законодательством о противодействии коррупции, поэтому **им нет необходимости ходатайствовать перед кем бы то ни было об осуществлении своего права** и, соответственно, получения на это разрешения (§ 17 **Постановления от 07.06.07 г. по делу «Zagorodnikov v. Russia»**), тем более, что «... **трансляция видеоматериала добавила достоверность к изложению событий, приведенных в сообщении (...)**» (§ 57 **Постановления от 22.02.18 г. по делу «Alpha Doryforiki Tileorasi Anonymi Etairia v. Greece»**).

«Конституция РФ, провозглашая Россию демократическим **правовым** государством, в котором **высшей ценностью являются человек, его права и свободы, а основополагающей конституционной обязанностью государства - признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статьи 1 и 2; статья 55, часть 3)**, предъявляет тем самым особые **требования к качеству законов, опосредующих взаимоотношения граждан с публичной властью, применения содержащихся в них нормативных положений и исполнения вынесенных на их основе судебных и иных правоприменительных решений**» (абзац 1 п. 2 мот. части **Постановления КС № 20-П от 14.07.15 г.**).

Так как «суды как **гаранты правосудия, выполняющие фундаментальные функции** в правовом государстве, **должны пользоваться доверием общества**» (§ 50 **Постановления от 30.06.15 г. по делу «Peruzzi v. Italy»**), деятельность судебных органов представляет общественный интерес (§ 128 **Постановления от 23.04.15 г. по делу «Morice v. France»**), «**важным фактором является потенциальная сила воздействия** соответствующего средства массовой информации» (§ 134 **Постановления от 16.06.15 г. по делу «Delfi AS v. Estonia»**) и «общепризнанно, что **аудиовизуальные средства массовой информации нередко оказывают гораздо более непосредственное и мощное воздействие, чем печатные средства массовой информации (...)**» (там же), поэтому запрет на осуществление сбора информации посредством видеозаписи о **публичных правоотношениях, которые должны регулироваться законодательством о противодействии коррупции, требующего осуществления деятельности власти в публичных и прозрачных процедурах**, относится к злоупотреблению правом, **запрещенным** ст. 5 Пакта, ст. 17 Конвенции, ст. 54 Хартии, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, созданием конфликта интересов и делает **всю** последующую деятельность суда - нелегитимной (ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ»).

Однако, в любом случае «... **Риски подвергнуться произволу особенно очевидны там, где исполнительная власть осуществляется тайно...**» (§ 55 **Постановления от 04.05.2000 г. по делу «Rotaru v. Romania»**). ... Надзорные процедуры **должны соответствовать** ценностям демократического общества как можно точнее, в частности, **верховенству права**, о чем ясно указано в **преамбуле** к Конвенции. Верховенство права, *inter alia*, **обязывает** к тому, чтобы **вмешательство исполнительных органов власти в права лиц было предметом эффективного надзора, который обычно должен осуществляться судебной властью**, по крайней мере в качестве последней инстанции, поскольку **судебный контроль предоставляет наилучшие гарантии независимости, беспристрастности и надлежащей процедуры (...)**» (§ 59 **там же**).

1.4.19 Это я рассмотрел вопрос о праве граждан на осуществление видеозаписи публичных правоотношений. Теперь **кратко** можно рассмотреть вопрос о праве органов власти осуществлять видеозапись и использовать её. Это мной объяснено в п.п. 1.7 – 1.7.7 **незаконченного** заявления № 3062 о возобновлении производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств, где были рассмотрены вопросы незаконности привлечения граждан к административной ответственности:

1.7 Следующим важным моментом, который не был нигде отражен и рассмотрен был вопрос о праве на осуществление должностными лицами видеозаписи гражданина и использование полученной видеозаписи. Этот вопрос был рассмотрен в **Постановлении от 12.12.13 г. по делу «Хмель против РФ»**, где сотрудники милиции посредством привлечения журналистов произвели видеозапись разбушевавшегося депутата Мурманской областной Думы Хмель Александра Анатольевича, который был задержан за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Несмотря на то, что «судьи» ЕСПЧ рассмотрели эту коллизию с точки зрения привлечения к ответственности гражданина, тем не менее представитель от России Дедов Д. в особом мнении совершенно правильно провел **четкое различие** между обнародованием сведений о поведении гражданина и публичного лица. Несмотря на то, что это **ключевое** различие не рассмотрено в Постановлении, однако это **ключевое различие** достаточно точно рассмотрено в особом мнении Дедова Д. и лишь **доказывает** тот факт, что **разная природа правоотношений предусматривает и разное понимание и применение норм права**.

1.7.1 Так: «**Власти Российской Федерации утверждали**, что лицо, совершившее проступок или преступление, **должно** подвергнуться различным ограничениям его/ее прав, включая право на уважение личной жизни. После того как заявитель **нарушил общественный порядок, причинил вред чести и достоинству** представителей власти и был сопровожден в отделение милиции, сфера деятельности государства распространилась на его личную жизнь. Видеосъемка производилась открыто, заявитель знал о том, что его снимают, и **не возражал против этого**. На самом деле это он сам попросил позвать прессу в отделение милиции. Власти Российской Федерации далее утверждали, что **видеосъемка заявителя производилась в соответствии с законом с целью сохранения доказательств его противоправного поведения и установления его личности как правонарушителя**. ГТРК "Мурман" действовала законно, так как согласно соответствующим правовым нормам, ей было разрешено получать информацию от любых лиц и **распространять достоверные сведения о поведении должностного лица**. Телекомпании "ТВ-21" и "Блиц" лишь воспроизвели видеозапись, снятую съемочной группой ГТРК "Мурман". **Власти Российской Федерации утверждали**, что ни передача видеозаписи в прокуратуру, ни ее показ депутатам Мурманской областной Думы не являются "распространением информации"» (§ 38 там же).

1.7.2 В связи с изложенным: «... понятие личной жизни распространяется на все аспекты жизни человека, такие как имя или изображение. Изображение относится к основным атрибутам личности человека, поскольку является его уникальным признаком и его отличительной чертой. **Право на защиту изображения человека является, таким образом, одним из определяющих факторов его личного развития**. Оно предполагает **личное право человека следить за использованием его изображения, включая отказ от публичной демонстрации** (...) (§ 40 там же)... видеозапись или публикация в средствах массовой информации фотографий заявителей правоохранительными органами является вмешательством в их право на уважение личной жизни. В упомянутых выше делах "**Хужин против Российской Федерации**" и "**Шакка против Италии**" правоохранительные органы передали в прессу фотографии заявителей из официального дела без их согласия. В деле "**Пек против Соединенного Королевства**" (...) передача для трансляции видеозаписи заявителя, чья попытка самоубийства была запечатлена камерами видеонаблюдения, была признана серьезным вмешательством в личную жизнь заявителя, независимо от того, что в тот момент он находился в общественном месте. В случаях, когда полиция использует видеонаблюдение в камерах отделения с тем, чтобы получить четкое изображение заявителя, и затем демонстрирует видеозапись свидетелям и во время судопроизводства в зале суда,.. прием, используемый полицией, выходит за пределы обычного и предсказуемого использования таких видеокамер и подобных видеозаписей, приравненных к сбору и обработке персональных данных заявителя. Отмечая, что видеосъемка производилась с согласия заявителя и в обстоятельствах, при которых можно было разумно предполагать ее производство, Европейский Суд решил, что **видеосъемка и использование видеозаписи являются вмешательством в право заявителя на охрану личной жизни** (...)» (§ 41 там же).

1.7.3 Однако важно, что разрешение «... производить видеозапись изображения заявителя в отделении милиции без всякого ограничения **является вмешательством в право** заявителя **на уважение личной жизни, ответственность за которое несут власти Российской Федерации**...» (§ 44 там же).

1.7.4 Необходимо иметь ввиду и то, что «... для того чтобы считаться **обоснованным по смыслу статьи 8 Конвенции**, вмешательство в право на уважение личной жизни **должно быть "предусмотрено законом"**, преследовать одну или более

законных **целей, указанных в части 2 этой статьи** и быть "необходимым в демократическом обществе" (§ 45 там же). Первое **требование** части 2 статьи 8 Конвенции говорит о том, что вмешательство **должно** быть "предусмотрено законом"... Вместо того, чтобы выказать готовность сотрудничать с органами милиции, он вел себя по отношению к сотрудникам милиции непристойно и грубо, оскорбляя их, хватая их за форму, нарушая работу отделения и ломая оборудование. Тем не менее .., каким бы неприемлемым и провокационным ни было поведение заявителя, **сотрудники милиции как представители закона должны были соблюдать спокойствие, а их действия должны были иметь законные основания** (§ 46 там же)... Власти Российской Федерации также утверждали, что **видеозапись производилась для сохранения доказательств противоправного поведения заявителя...** Как следует из материалов дела, **видеосъемка не включалась в перечень доказательств по делу об административном правонарушении и не упоминалась в постановлениях судов...** (§ 48 там же)... **собранная информация может применяться** лишь для правоохранительных целей, таких как обнаружение преступления или его предотвращение и **установление личности исполнителей (...)**. Следовательно, при отсутствии согласия заявителя показ видеозаписи по региональному телевидению **был грубым нарушением российского законодательства** (§ 49 там же)... **в случае если доказано, что вмешательство не было предусмотрено законом, нет необходимости устанавливать, преследовало ли вмешательство "законную цель" и было ли оно "необходимо в демократическом обществе" (...)** (§ 51 там же). Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции» (§ 52 там же).

1.7.5 В особом мнении Дедов Д. отметил: «... съемочная группа была приглашена милицией только после того, как заявитель отказался покинуть отделение милиции, и что единственной причиной для приглашения журналистов стало оскорбительное поведение заявителя (...). Таким образом, это дело совершенно отличается от ситуации в Соединенных Штатах Америки, где видеосъемка была признана нарушением права на личную жизнь, когда представители государства пригласили телевизионную съемочную группу для **видеосъемки обыска в доме заявителя (...)** или когда **арестованный подозреваемый был показан общественности в наручниках (...)**. Европейский Суд сконцентрировался исключительно на проверке пропорциональности и **не принял во внимание тот факт, что заявитель был публичной фигурой и что видеосъемка повлияла на обсуждение общественных интересов...** Однако милиции не запрещено **помогать прессе** в исполнении ее функции "публичного сторожевого пса" в демократическом государстве, предавая огласке информацию или идеи, **представляющие общественный интерес**. Наоборот, **если милиция запрещает прессе снимать недостоинное поведение публичного лица и распространять эту информацию, милиция скорее нарушает право на свободу выражения мнения, предусмотренное статьей 10 Конвенции.** Таким образом, я полагаю, что Европейский Суд **должен** был применить подход, использованный Большой Палатой в Постановлениях N 40660/08 и N 60641/08 по делу "**Фон Ханновер против Германии**" при **соблюдении баланса** между противоположными правами, предусмотренными статьями 8 и 10 Конвенции. Он **должен** был принять во внимание тот факт, что заявитель **знал о производстве видеосъемки, но все же вел себя грубо и вызывающе** по отношению к сотрудникам милиции. **Неэтичное поведение публичного лица, который управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения**, как он сам подтвердил в российском суде, **представляет собой предмет явного общественного интереса (...)**. С этической точки зрения, как публичное лицо заявитель **должен** был быть "вежливым как в своих отношениях с гражданами, так и в своих отношениях с вышестоящими лицами, коллегами и подчиненными" (см. статью 5 Рекомендаций N R(2000)10 Комитета Министров Совета Европы государствам членам о кодексах поведения для представителей власти)...»

Однако, если раньше власти РФ утверждали, что «**Неэтичное поведение публичного лица, который управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения ... представляет собой предмет явного общественного интереса**», то теперь это выглядит так: Я судья (<https://ok.ru/video/597956233843>), Российские судьи в натуре (<https://youtu.be/rr0N5EaNm0w>).

1.7.6 Вопрос о сборе и использовании персональных данных, а также об **обязательстве внутригосударственных судов по защите права**, гарантированного ст. 8 Конвенции достаточно подробно рассмотрен в **Постановлении от 05.09.17 г. по делу «Bărbulescu v. Romania»**.

1.7.7 Таким образом, не рассматривая вопрос незаконности осуществления приставами видеозаписи гражданина N., ОПС из «судей» Титова А.Н., Уколовой Т.А. и их подельники **не выполнили своей обязанности** по отправлению Правосудия, которое

признается таковым, когда оно отвечает требованиям справедливости и **обеспечивает эффективное восстановление в правах**, как это прямо предписано ст. 8 Всеобщей декларации. Таким образом, **доказано**, что ОПС Титова А.Н. и Уколовой Т.А. действовали в интересах нарушителей ст. 8 Конвенции, а их действия имеют коррупциогенные признаки, выражающиеся в незаконном освобождении преступников от ответственности, что им **запрещено** ст. 300 УК РФ и эти действия (бездействие) и решения являются ярко выраженной Коррупцией с набором конфликтов интересов, за что они **должны** быть уволены с занимаемых должностей.

1.4.20 Так как речь идет о судебной власти, а этот вопрос относительно полно рассмотрен в Постановлении ЕСПЧ от 23.06.16 г. по делу «Бака против Венгрии», поэтому я привожу **основные** доводы из этого Постановления:

«... Поскольку именно это новое законодательство отменило прежние правила, оно **составляло предмет «спора»**, **в отношении которого гарантии справедливого судебного разбирательства, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции, доказуемо должны были применяться**. При обстоятельствах настоящего дела на вопрос о том, существовало ли право в соответствии с **внутригосударственным законодательством, следовательно, не может быть дан ответ на основе нового законодательства**» (§ 110 **Постановления от 23.06.16 г. по делу «Baka v. Hungary»**)..

«... при оценке доказательств Европейский Суд применяет **стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения»**. ... Его роль заключается в вынесении решений по поводу не уголовной или гражданско-правовой ответственности, а **ответственности государств-участников на основании Конвенции**. Особенности его задачи в соответствии со статьей 19 Конвенции – **гарантировать соблюдение** участвующими государствами их **обязательств по обеспечению фундаментальных прав, закрепленных Конвенцией**, обуславливают его подход к вопросам доказывания и доказательств (...). Европейский Суд принимает выводы, которые, по его мнению, подтверждены свободной оценкой **всех** доказательств, включая **выводы, которые могут следовать из фактов и доводов сторон**. ... доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или **аналогичных неопровергнутых фактических презумпций** (...). ... **принимая во внимание характер материального права, являющегося предметом дела, и любые имеющиеся трудности с доказыванием**. В определенных случаях **только** государство-ответчик имеет доступ к информации, **подтверждающей или опровергающей жалобы на нарушение Конвенции**, соответственно, строгое применение принципа *affirmanti, non neganti, incumbit probatio* является **невозможным** (...). Хотя эти принципы главным образом применялись в контексте статей 2 и 3 Конвенции (...). ... имеются примеры их применения в отношении других конвенционных прав (...) (§ 143 **Постановления от 23.06.16 г. по делу «Baka v. Hungary»**). Эти принципы особенно актуальны в этом деле, поскольку **ни один национальный суд никогда не рассматривал утверждения заявителя и причины** ... Именно учитывая эти обстоятельства, Большая палата соглашается с подходом Палаты, согласно которому **обстоятельства дела и последовательность событий надо оценивать и рассматривать «в их совокупности»** (...)» (§ 144 **там же**).

«... учитывая **последовательность событий в их совокупности, а не отдельные и не имеющие связи между собой эпизоды**, имеются *prima facie* доказательства наличия причинно-следственной связи между осуществлением заявителем свободы выражения мнения и прекращением его мандата. Это подтверждается рядом документов, представленных заявителем, которые ссылаются на широко распространенное мнение о **существовании такой причинно-следственной связи**. Они включают не только статьи, опубликованные как в венгерской, так и в зарубежной прессе, но и документы, принятые органами Совета Европы (...)» (§ 148 **Постановления от 23.06.16 г. по делу «Baka v. Hungary»**).

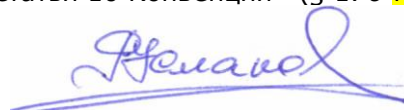
Можно согласиться, что при определенных условиях возможно ограничение на осуществление права на свободу выражения мнения для легитимной цели «поддержания авторитета и беспристрастности правосудия» в смысле статьи 6 § 1, статьи 10 § 2. Однако **Государство - участник не может правомерно ссылаться на независимость судебной власти для оправдания злоупотребления судом права** (ст. 17 Конвенции) и создание конфликтов интересов, по причинам, которые не предусмотрены законом и не имеют ничего общего с основаниями профессиональной компетентности или правомерными действиями. Запрет на осуществление права Жертвой собирать информацию любыми средствами (ст. 19 Всеобщей декларации) и способами по своему выбору (п. 2 ст. 19 Пакта)

при наличии публичных правоотношений, которые имеют повышенный общественный интерес (§§ 159, 165 здесь же) и **на которые распространяется законодательство о противодействии коррупции**, не может способствовать цели повышения независимости судебной власти, которая направлена не столько даже на отмену права Жертвы на свободу выражения мнения, сколько на создание способа незаконного освобождения от ответственности должностных лиц, нагло совершающих преступления. При этих обстоятельствах, вместо того, чтобы способствовать цели поддержания независимости судебной власти, которая **должна** неукоснительно подчиняться Конституции и закону, стало очевидно несовместимым с этой целью. (§§ 148-151, 156 Постановления от 23.06.16 г. по делу «Бака против Венгрии»).

«... пункт 2 статьи 10 Конвенции **дает мало возможностей для ограничения** политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим всеобщий интерес (...). Соответственно, как правило, **должен обеспечиваться высокий уровень защиты свободы выражения мнения**, сопровождающийся поэтому **узкими пределами усмотрения**, если **замечания касаются вопроса публичного интереса**, как в случае, в частности, **замечаний о функционировании судебных органов** (...) (§ 159 **Постановления от 23.06.16 г. по делу «Бака v. Hungary»**). ... характер и суровость санкции являются факторами, которые необходимо учитывать при **оценке соразмерности** вмешательства. ... вмешательство в свободу выражения мнения может оказывать сдерживающее влияние на осуществление этой свободы (...) (§ 160 **там же**). Наконец, чтобы **оценить обоснование** спорной меры, **следует принимать во внимание**, что **справедливость разбирательства** и **процессуальные гарантии**, предоставленные заявителю, **являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке соразмерности** вмешательства в свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции (...). ... отсутствие эффективной судебной проверки может подтверждать вывод о нарушении статьи 10 Конвенции (...). Действительно, ... **«качество... судебной проверки необходимости меры имеет особое значение в этом отношении, включая реализацию соответствующей свободы усмотрения»** (...) (§ 161 **там же**). ... государство может на законном основании возлагать на гражданских служащих, учитывая их статус, обязанность осмотрительности, гражданские служащие являются гражданами и в таком качестве пользуются защитой статьи 10 Конвенции (...). ... в ситуациях, затрагивающих право на свободу выражения мнения государственных служащих, «обязанности и ответственность», упоминаемые в пункте 2 статьи 10 Конвенции, приобретают особое значение, оправдывающее предоставление внутригосударственным властям определенной свободы усмотрения при **оценке соразмерности** спорного вмешательства вышеупомянутой цели (...) (§ 162 **там же**). Учитывая важное место среди государственных органов, которое судебные органы занимают в демократическом обществе, ... **данный подход также применяется в случае ограничений свободы выражения мнения судьи в связи с исполнением его или ее функций**, хотя судебные органы не являются частью обычной государственной службы (...) (§ 163 **там же**). ... должностные лица, работающие в судебной системе, **обязаны** демонстрировать сдержанность при осуществлении свободы выражения мнения во всех случаях, когда авторитет и беспристрастность правосудия могут быть поставлены под сомнение (...). Распространение даже точной информации **должно** осуществляться сдержанно и умеренно (...). Европейский Суд неоднократно подчеркивал особую роль в обществе **судебной системы, которая, будучи гарантом справедливости, основополагающей ценности правового государства, должна** пользоваться общественным доверием для успешного выполнения своих функций (...). По этой причине судебные власти, поскольку дело касается осуществления их судебных функций, **обязаны** проявлять максимальную осторожность в отношении дел, находящихся в их производстве, чтобы **защитить свой образ беспристрастных судей** (...) (§ 164 **там же**). ... с учетом, в частности, растущего значения разделения властей и важности гарантирования независимости судебных органов **любое** вмешательство в свободу выражения мнения судьи, находящего в положении, подобном положению заявителя, требует тщательного контроля со стороны Европейского Суда (...). Кроме того, **вопросы, касающиеся функционирования судебной системы, представляют собой предмет публичного интереса, обсуждение которого, как правило, пользуется высокой степенью защиты в соответствии со статьей 10 Конвенции** (...). Даже если обсуждаемый вопрос имеет политический оттенок, этот факт сам по себе недостаточен, чтобы воспрепятствовать судье высказываться на данную тему (...). **Вопросы, касающиеся разделения властей, могут затрагивать очень важные проблемы в демократическом обществе**, в отношении которых **общественность имеет законный интерес быть информированной и которые относятся к сфере**

политических дебатов (...) (§ 165 там же). В контексте статьи 10 Конвенции Европейский Суд **должен** принимать во внимание обстоятельства и **общие предпосылки**, в связи с которыми были допущены высказывания (...). Он должен рассмотреть спорное вмешательство в свете дела в целом (...), придавая особое значение должности, занимаемой заявителем, его высказываниям и **контексту**, в котором он их сделал (§ 166 там же). Наконец, Европейский Суд напоминает о **«сдерживающем влиянии»**, которое **оказывает страх наказания** на осуществление свободы выражения мнения, в частности, на других судей, желающих участвовать в публичных дебатах по вопросам, связанным с отправлением правосудия и судебными органами (...). **Это влияние, которое действует во вред обществу в целом**, также является фактором, **имеющим отношение к пропорциональности** примененной санкции или меры наказания (...) (§ 167 там же). ... оспариваемое вмешательство было обусловлено взглядами и критикой, которые заявитель публично выразил при осуществлении своего права на свободу выражения мнения. ... заявитель высказал свои взгляды на законодательные реформы в своем профессиональном качестве председателя Верховного суда и Национального совета юстиции. Выражение мнения о законодательных реформах, затрагивающих судебные органы, после сбора и обработки мнений нижестоящих судов было не только его правом, но и обязанностью в качестве председателя Национального совета юстиции (...). Заявитель также использовал свои полномочия для оспаривания относимого законодательства в Конституционном суде и использовал возможность выражать свое мнение непосредственно в парламенте в двух случаях в соответствии с парламентским регламентом (...). Европейский Суд, следовательно, придает особое значение должности, занимаемой заявителем, чьи **функции и обязанности** включали выражение его **взглядов** на законодательные реформы, **способные повлиять на судебные органы и их независимость**. Он ссылается в этой связи на документы Совета Европы, которые признают, что **каждый судья отвечает за продвижение и защиту судебной независимости** (см. § 3 Великой хартии судей в § 81 настоящего Постановления) и что **с судьями и судебными органами должны советоваться и они должны участвовать в подготовке законодательства, касающегося их статуса и в более общем смысле функционирования судебной системы** (см. § 34 Заключения № 3(2002) КЕС в § 80 настоящего Постановления и пункт 9 Великой хартии судей в § 81 настоящего Постановления) (§ 168 там же). ... **заявитель выражал свои взгляды и критику по поводу** конституционных и законодательных реформ, затрагивающих судебные органы, по вопросам, относящимся к функционированию и реформе судебной системы, независимости и несменяемости судей и снижению пенсионного возраста для судей, **которые являлись вопросами публичного интереса** (...). Его высказывания не вышли за рамки обычной критики со строго профессиональной точки зрения. Соответственно, ... позиция и высказывания заявителя, которые явно относились к контексту дискуссии по вопросам большого публичного интереса, **требовали** высокой степени защиты его свободы выражения мнения и строгого контроля любого вмешательства с соответственно **узкими** пределами усмотрения, предоставленными властям государства-ответчика (§ 171 там же). ... Наконец, **требует надлежащего учета процессуальный аспект** статьи 10 Конвенции (...). В свете соображений, которые повлекли установление нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции, ... оспариваемые ограничения осуществления заявителем его права на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции не сопровождалась эффективными и адекватными гарантиями против злоупотреблений (§ 174 там же). Таким образом, даже если предположить, что мотивы, на которые ссылались власти государства-ответчика, были относимыми, **они не могут считаться достаточными**, чтобы установить, что обжалуемое вмешательство было «необходимым в демократическом обществе», несмотря на пределы усмотрения, которыми располагают внутригосударственные органы (§ 175 там же). Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции» (§ 176 там же).

12.10.18 г. – 05.01.20 г.

Усманов Р.Р.